

Литературный и музыкальный критик Борис Гусман первым в 1921 году оценил масштаб личности и творчества *златокудрого песнеборца* Василия Каменского. До того Василия только ругали, называли «обойным поэтом», сравнивали с одиозным однофамильцем, живописующим проблемы пола. Издёвки критиков, рифмовавших «Саша голый – Вася полый», подхватывала публика. «Несокрушимый оптимист» Каменский игнорировал газетные укусы и плевки. Но глумящуюся стаю критиков, графоманов, завистников запомнил и живописал – заклеил в послании сыну: «...Бойся пуще огня ... восхваляемых критикой нытиков, и всяких полупочтенных критиков, пишущих, скулы дробя. Сын мой, соблюдай себя».

Он мог ненавидеть и быть беспощадным, но предпочитал не размениваться на ерунду, его миссия была иной – обратить человека к природе, в будущее.

После Октября многие поэты Серебряного века были забыты. В футуристической бригаде Маяковский – Бурлюк – Каменский каждый был по-своему талантлив. Василия, шедшего своим путём, поначалу затмил мощный вихрь Маяковского. Приклеившийся «изм» сослужил Каменскому дурную славу не только среди публики прошлого века, но и масскультуры нашего времени. Каменский – творец для будущего – всегда был малопонятен для обывателей.

Спустя столетие, творчество Василия Каменского, родного нам по Каме поэта, наполнившего советскую литературу солнечным ветром, птичьим говором и ритмами камских волн, стало чрезвычайно созвучно современности. И до него воспевали старинную Каму здешние писатели – кавалерист-девица Надежда Дурова, писательницы Зоя Ерошкина и Лидия Будогоская, беллетрист Сергей Миловский и священник Николай Блинов...

Но у поэта Василия Каменского с Камой была особая одноколенная, сокровенная связь. *Кама... Кам-енка, Кам-енский...*

135 лет назад, 18 апреля 1884 года шёл первым рейсом из Перми вниз по Каме пароход деда поэта. Возле Сарапула в каюте деда под звуки бурного камского половодья свершилось таинство рождения Поэта. Содрогающаяся под волнами палуба передала матери и младенцу мощь весенней пробуждающейся реки. Так могучая Кама представила миру Поэта, заменила ему мать, сгоревшую от чахотки, и отца, угасшего от тоски. Каменский – гений места, для которого не было ничего милее Камы. О ней он писал светло и вдохновенно:

Кама, Кама. Камушка
Не знаю, право, сам уж как,
Сделала меня поэтом.

«Кама – волшебный журчальный источник утрозарных радостей, неожиданных праздников, ярко – цветных затей, славных подвигов. Кама – первый верный друг, никогда неизменный, всегда близкий, добрый, светлый. Она волновала мои воображения, куда-то звала, обещала, дарила сны. Кама – вот кто была моей желанной подругой, ни разу меня не обидевшей. Кама – единственное как Солнце – счастье, ласково матерински обвеявшее моё сиротливое детство тёплыми чудесами».

Ангельски молодой Каменский на картине Давида Бурлюка, – поэт, слушающий вечность... Распахнутые светло-голубые глаза, первые мягкие усики, обрамляющие детски-припухлый рот. На поздней фотографии глаза Каменского – пронзительно-тёмные, измученные болезнями, страшные. Глаза, увидевшие бездну...

«Посмотрите на Каму за меня...». Эта душевная просьба вырвалась у 60-летнего тяжелобольного поэта Василия Каменского в письме к пермскому журналисту Савватию Гинцу...

Если уж уподоблять творчество и жизнь Василия Каменского какой-либо эпохе, то надо вспомнить эпоху Возрождения – по универсализму, новаторству в любой области искусства и человеческой деятельности, – утверждал Варлам Шаламов.

Человек-театр по множеству талантов, Василий Каменский, как в жизни, так и в стихах был молод, кипуч, страстен. Музыка, стихи, розыгрыши были его стихией, писала его жена Валентина Козлова, с которой он встретился на пароходе, сделал предложение на следующей остановке и женился на одной из пристаней, потому что: «Поэт – перелётная птица». К женщинам он относился трепетно, по-рыцарски. Н. Евреинов называл друга «поэтом, театрализирующим жизнь», и видел в нём редкий пример

идентичности творца и человека, подобно таким цельным личностям, как Диоген, Франциск Ассизский, Л. Толстой.

Многообразие Каменского поражает. Поэт, писатель, создатель нового стихотворного синтетического языка и рифм. Авиатор и изобретатель, архитектор и дизайнер своих усадеб, агроном, рыболлов и охотник. Артист театра и кино, циркач, режиссёр, антрепренёр и драматург. Яркий художник-авангардист и отец русского перформанса, автор первых инсталляций. Он писал красками, виртуозно вырезал фигуры из бумаги, создал новую графику для своих пятиугольных «железобетонных поэм». От мамы, певшей *грустинные песни*, сыну досталась музыкальность и нежность души. Сам научился играть на баяне, рояле и рад был помузицировать с гостями и откликнулся на просьбы сыграть на свадьбах в родном селе. Он сам был лучшим и оригинальным исполнителем своих поэм – мелодекламаций, воспроизводя на сцене язык птиц, ветра и волн. Он был неутомимым путешественником, превосходным лектором, оратором. Его солнечной энергии хватало на всё!

Каменский стал легендой ещё при жизни. Двенадцать организаций Уральско-Пермской области носили его имя. С 1930-х годов весело бегал по Каме пароход его имени. Сегодня пермские альпинисты мечтают назвать именем Каменского одну из вершин Саянских гор.

Жизнь – великий режиссёр-костюмер, примеряла на него разнообразные роли и одежды: то чёрный китель с крахмальным белым воротничком конторщика в бухгалтерии Пермской железной дороги; то вопиющий рыжий костюм и кричащий грим актёра Васильковского в труппе Мейерхольда; то китель таксировщика железнодорожной станции Нижнего Тагила; то блузу

председателя забастовочного комитета железнодорожников; то робу заключённого Николаевской тюрьмы Верхнетурского уезда; то шляпу, сигару и трость путешественника по Турции и Персии; то лётный шлем и комбинезон бесстрашного авиатора; то красную рубашку, сапоги, чёрный плащ с блестящими звёздами, гобеленовый костюм и полосатую кофту футуриста; то китель речника и капитанскую фуражку – подарок камских водников; то советский костюм с орденами. К каждому новому занятию Каменский относился серьёзно.

«Солнцерадостное детство» Василия прошло в семье его родных – Трущовых на пермской Слудке – в доме на крутом берегу Камы у пристани, где каждодневно «развороченным муравейником свершалась интереснейшая трудовая товарная жизнь». «Быстрые сияющие дни взлетали над жизнью, будто чайки над Камой». Неистошимый на выдумки маленький Вася – атаман и заводила всевозможных проказ в тёткином доме – щедро получал за них необходимые затрещины от своих воспитателей. «Васю воспитали, – писал он в автобиографии, – охотник и рыбак дядя Ваня, Степан Разин и буксирная пристань Любимова». Брательники Вася – Алёша – Саша играли в разбойников и ставили силки на птиц. Вася любил и знал птичий язык. Ещё маленьким он, вскинув руки, пробовал летать, как птица, с балкона на ёлку и расшибся о землю. Летал и с обрыва, и со льдин в Каму, и сушился у рыбацких костров, чтобы дома не взгрели. Позже во взрослой жизни бесстрашно летал на аэроплане, падал и разбивался, чуть не до смерти, но ангел хранил его. В его комнате жил ручной клёст, который сам открывал клетку, летел, куда хотел, и возвращался. Так всегда возвращался на Каму поэт после долгих странствий по стране, «припадал к родимой груди земли», чтобы не растерять звонкие дары своей души.

В середине жизни Каменский построит дом на хуторе у речки Каменки. «Каменка – мой философский угол». Здесь, в «сосновом кабинете», рождалась «организованная бодрость бытия». Здесь пройдут 20 лет его творчества, испытания его изобретений: на реке – аэрохода, на песчаных камских отмелях – аэроплана. Строительство дома, агрономия, сельхозработы. Стихи, проза. Всё своими руками.

Василий уговорил брата детства Алёшу Трущова взять на себя хозяйство в Каменке, а сам с труппой артистов, потом с футуристами пошёл покорять страну. Его любили высокого, добродушного златокудрого красавца – поэта. Василий моментально сходился с

портовыми грузчиками, охотниками, рыбаками и речниками, селянами и железнодорожниками, артистами, футуристами и авиаторами. В каждом городе у Васи заводились друзья. У него была куча прозвищ, весёлых и нежных: камский заяц, маэстро футуризма, непромокаемый оптимист, певец народной вольницы, поэт всемирного динамизма. Маяковский назвал «Васичку» «матерью русского футуризма» в отличие от Бурлюка – «отца футуризма».

Каменский всей душой принял революцию. Однако увлечение революционными выступлениями быстро прошло после тягостных месяцев в тюрьме. Наступило разочарование: «Оказывается, марсельеза без баррикад ничего не стоит». Из революционного вихря Каменский сбежал в Стамбул и Тегеран. Он не любил пасмурную погоду, стремился на юг и был очарован восточной речью. Отголоски восточных впечатлений поэта мы слышим в его мелодекламации о «Стеньке Разине». Далее – в Петербург, чтобы восполнить пробелы в образовании. Он сдаёт экстерном экзамены и получает диплом агронома, который, ох, как пригодится ему в Каменке и Троице.

А пока он увлечён театром и колесит по стране с театральными труппами, голодает, ночует в гробу похоронного бюро, играет в труппе Мейерхольда. Режисёр прочёл его стихи и посоветовал Каменскому бросить сцену и заняться делом, т. е. литературой. И вот уже Василий – соредатор альманаха «Весна» – в гуще известных писателей погружается в словотворчество, экспериментирует и в 1909 г выпускает сборник «Садок судей». В следующем году – «Землянку». «Жизнь все больше и больше закручивается».

В 1911 г Каменский становится знаменит как один из первых профессиональных авиаторов страны. Через год после аварии в Ченстохове, чуть не стоившей ему жизни, он прекратит полёты и, включившись в футуристическую ватагу – Бурлюк – Каменский – Маяковский, – ринется в турне по стране в пламенные литературные бои. «Футуризм – праздник бракосочетания слов». Скандальные выступления ватаги идут в Харькове, Симферополе, Керчи, Одессе, Кишинёве, Николаеве, Киеве, Минске, Казани, Пензе, Ростове-на-Дону, Саратове, Тифлисе и Баку. Друзья выходят к публике – Каменский в красной рубашке, Маяковский в жёлтой кофте, коротышка Бурлюк в цилиндре. Они называют себя: Владимир Владимирович, Василий Васильевич, Давид Давидович. Публика орёт: «Вы что, ребята, смеётесь?!».

Сборник «Пощечина общественному вкусу» с манифестом футуристов, их харизма, необычные костюмы поэтов, звукопо-

дражательный язык стихов Каменского сводят с ума критиков: «Каменскому надо отвечать на его птичьем языке». Немыслимые декорации – рояль, подвешенный к потолку, мышеловка с живой мышью – вызывали ажиотаж публики и эпатировали буржуа, что убеждало друзей продолжать завоевания дальше. Василий выпустил сборник «Танцы с коровами», создавая простые и сложные формы визуальной поэзии.

После шумных концертов – тишь, благодать земли в Каменке. «Всё это земляное, травяное, звериное, птичье, червячье вливалось в грудь восторженным хаосом и пьянило».

Он пишет «Стеньку Разина». Здесь, в Каменке, застала поэта Первая мировая война. Пришедший в ужас от варварства бомбардировок Каменский пишет свою «Молитву»: «Господи, меня помилуй и прости. // Я летал на аэроплане. // Теперь в канаве // хочу крапивой расти».

Но мечта об авиации останется до конца его жизни. Да будет проклята эта война! Он читает лекции и мечтает о жизни творческой и радостной: «Я от людей уйду рыбачить. // И где-нибудь, в шатре на Каме // я буду сам варить картошку // и, засыпая с рыбаками, // вертеть махорочную ножку».

В усадьбе он проводит лето и осень. А зимой – выступления в столичной «Бродячей собаке», «Кафе поэтов». Издание «Стеньки Разина». Третье место на выборах «Короля поэтов» после Северянина и Маяковского. Отзывы и признание поэта маститыми писателями и критиками: Горьким, Чуковским, Луначарским, Гаспаровым, считавшим, что Каменский пишет стихи так, как будто до него никто их не писал. Луначарский назвал Каменского вечно взволнованным энтузиастом.

Враг всякой тирании, Каменский горячо поддержал Октябрьскую революцию. И даже стал депутатом Моссовета, культурработником в Красной Армии. Его пьесы ставят в советских театрах. Он выступает во многих городах от Мурманска до Владивостока.

В 1990-х годах наш земляк краевед Анатолий Новиков опубликовал заметку в местной газете о пребывании в 1938 году Василия Каменского на удмуртской земле, в Камбарке. Камбарские библиотекари посоветовали поговорить с живым очевидцем этого события – 92-летним старожилом, заводчанином Борисом Николаевичем Панкратовым. Он, самобытный художник и скульптор по дереву, инициатор создания Общества русской культуры и восстановления Петропавловской церкви, сохранил отличный слух

и память. Десятилетним школьником он видел поэта и рассказал мне о нём: «Каменский выглядел как обычный крупный мужик, очень просто одетый. Он несколько дней жил в доме у известного рыбака и революционера Афанасия Акимовича Лобанова, который, говорят, переписывался с Маяковским. Василий Васильевич рыбачил в даль-

нем конце пруда. В полдень Лобанов громко звал его на обед, и Каменский приплывал на лодке к берегу. Наутро Василий Васильевич надел костюм и пошёл в школу читать стихи. Сразу было видно, что он поэт. Читал хорошо, ему горячо аплодировали. Жаль только, что я тогда ничего не понимал в стихах».

Видимо, именно встреча с Каменским пробудила интерес Панкратова к поэзии. Он выпустил несколько сборников своих стихов и басен. О пребывании В. Каменского в Камбарке имеется запись на памятной доске краеведческого музея, в здании которого жил в ту пору аптекарь и двоюродный брат Каменского Алексей Григорьевич Трущов.

После революции поэт передал колхозу хутор Каменка, получив взамен дом священника в селе Троице под Пермью, который сам перестроил в виде корабля. Там поэт жил около 20 лет с весны до поздней осени. Флаг на мостике – веранде был поднят, когда

Слева направо Д.Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский

Капитан Каменский был дома. Зимой он жил в Москве, в Тбилиси или в Перми.

В 1920-е годы по сценарию Каменского ставится один из первых советских фильмов – «Семья Грибушиных». В 1939 году, он одним из первых литераторов получает орден «Знак Почёта», в 60 лет – второй орден Трудового Красного Знамени. В 1940 году выходит последнее произведение Каменского «Жизнь с Маяковским». Тогда же он совершает путешествие по Украине.

В первой половине XX века Василий Каменский, написавший «целую поленницу стихов», был одной из значительных фигур в культуре нашей страны. В конце 30-х годов тромбофлебит привёл его к ампутации ног, в 1948 году после инсульта поэт слёг и тринадцать лет был прикован к кровати. Владея одной левой рукой, он рисовал цветными карандашами пейзажи и самолёты. В последние дни жизни обезноженный и разбитый параличом поэт мечтал: «Усну с улыбкой 35-летнего юноши, уставшего *от вообще*. Я – простой и рыжий, как кирпич...».

Последние годы он жил в Москве и умер там 11 ноября 1961 года. С ним неотлучно и преданно жила его последняя жена Валентина Козлова, разделившая с ним все невзгоды, мать трёх его сыновей. Его два сына стали художниками, третий инженером. Внучка поэта – балерина Пермского театра.

Яркие стихи Каменского и сейчас поражают светлой лиричностью, молодым оптимизмом и энергией молодой страны. Они, как глоток воздуха, как лекарство от застоя, обыденности, пошлости и мракобесия.

Использованная литература:

1. Василий Каменский. Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
2. Воспоминания о Василии Каменском (Воспоминания В.Н. Козловой, вдовы поэта, записанные пермским краеведом В.Ф. Гладышевым в 1984 г)
3. Гинц С. Василий Каменский – Пермь, 1984.
4. Гладышев, В. Загадка Василия Каменского. /В.Гладышев//Местное время. – 1994.
5. Гусман Борис. Молодая Русь, 1923 г.
6. Каменский В. Путь энтузиаста – Пермь, 1968.